

Саша Чёрный

АНТИГНОЙ

*Часть сборника
Избранная проза*

Солдатские сказки

Саша Чёрный

АНТИГНОЙ

«Public Domain»

1932

Чёрный С.

Антигной / С. Чёрный — «Public Domain», 1932 — (Солдатские сказки)

«Посылает полковой адъютант к первой роты командиру с вестовым записку. Так и так, столик у меня карточный дорогого дерева на именинах водкой залили. Пришлите Ивана Бородулина глянец навести. Ротный приказание через фельдфебеля дал, адъютанту не откажешь. А Бородулину что ж: с лагеря от занятий почему не освободиться; работа легкая – своя, задушевная, да и адъютант не такой жмот, чтобы даром солдатским потом пользоваться...»

Саша Чёрный Антигной

Посылает полковой адъютант к первой роты командиру с вестовым записку. Так и так, столик у меня карточный дорогого дерева на именинах водкой залили. Пришлите Ивана Бородулина глянец навести.

Ротный приказание через фельдфебеля дал, адъютанту не откажешь. А Бородулину что ж: с лагеря от занятий почему не освободиться; работа легкая – своя, задушевная, да и адъютант не такой жмот, чтобы даром солдатским потом пользоваться.

Сидит это Бородулин на полу, лаком-сандаракком ножки натирает, упарился весь, разогрелся, гимнастерку с себя на паркет бросил, рукава засучил. Солдат был из себя статный да крепкий, хочь патрет пиши: мускулы на плечах, руках под кожей чугунными желваками перекачиваются, лицо тонкое, будто и не простой солдат, а чуть-чуть офицерских дрожжей прибавлено. Однако ж, что зря хаять, – родительница у него была старого закала, природная слободская мешанка, – в постный день мимо колбасной лавки не пройдет, не то чтобы что...

Перевел Бородулин дух, ладонью пот со лба вытер. Поднял глаза, барыня в дверях стоит, – молодая, значит, вдова, у которой адъютант по сходной цене фатеру сымал. Из себя аккуратненькая, личико тоже – не отвернешься. Ужли адъютант у корявой жить станет...

– Упрели, солдатик?

Скочил он на резвые ноги, – гимнастерка на полу. Только он ее через голову стал напяливать, второпях в ворот руку вместо головы сунул, ан барыня его и притормозила:

– Нет, нет. Гимнастерку не трожьте!

Обсмотрела его по всем швам, будто экзамен произвела, и за портьеру медовым голосом бросила:

– Чисто Антигной... Энтот мне как есть подходит.

И ушла. Только дух за ней сиреневый так дорожкой и завился.

Принахмурился солдат. На кой ляд он ей подходит? Экое слово при белом свете ляпнула... С жиру оне, барыни, перила грызут, да не на такого напала.

Справил Бородулин работу, снасть свою в узелок связал, через вестового доложил.

Вышел адъютант самолично. Глаз прищурил: блестит столик, будто его корова мокрым языком облизала.

– Ловко, – говорит, – насандалил, молодец, Бородулин!

– Рад стараться, ваше скородие. Только извольте приказать, чтобы до завтрава окон не отпирали, пока лак не окреп. А то майская пыль налетит, столик затомится... Работа деликатная. Разрешите иттить?

Наградил его адъютант, как следует, а сам ухмыляется:

– Нет, братец, постой. Одну работу справил, другая прилипла. Барыне ты оченно понравился, барыня лепить тебя хочет, понял?

– Никак нет. Сумнительно чтой-то...

А сам думает: что ж меня лепить-то? Чай, уж вылеплен...

– Ну, ладно. Не понял, так барыня тебе разъяснение даст.

И с тем фуражку на лоб и в сени проследовал.

Только, стало быть, солдат за гимнастерку – портьерка – взык! – будто ветром ее вбок отнесло. Стоит барыня, пуховую ладонь к косяку прислонила и опять за свое:

– Нет, нет. Взойдите, как есть, в натуральном виде. Вас как зовут-то, солдатик?

– Иван Бородулин. – Ответ дал, а сам, будто медведь на мельничное колесо, вбок уставился.

Зовет она его, значит, в свой покой на близкую дистанцию. Адъютант приказал, не упрешься.

– Вот, – говорит барыня, – обсмотрите. Все кругом, как есть, мои работы.

Мать честная! Как глянул он, аж в глазах забелело: полна горница голых мужиков, кто без ног, кто без головы... А промеж них бабы алебастровые. Которая лежит, которая стоит... Платья-белья и званья не видать, а лица, между прочим, строгие.

Барыня тут полное пояснение сделала:

– Вот вы, Бородулин, по красному дереву мастер, я из глины леплю. Только и разница. Ваша, например, политура, а моя – скульптура... В городе монументы, скажем, понаставлены, – те же самые идолы, только в окончательном виде...

Видит солдат, что барыня не военная, мягкая, – он ей поперек и режет:

– Как, сударыня, возможно? На монументах ерои в полной парадной форме на конях пашками машут, а энти, без роду-племени, ни к чему. Разве таких голых чертей в город выка-тишь?

Она ничего, не обижается. В кружевной платочек зубки поскалила и отвечает:

– Ан вот и ошиблись. В Питере не бывали? То-то и оно. А там в Летнем саду беспорточ-ных энтих сколько угодно. Который бог по морской части, которая богиня бесплодородием заведует. Вы солдат грамотный, следует вам знать.

«Ишь, заливает! – думает солдат. – Чай, там в столичном саду, мамки княжеских ребят нянчат, начальство гуляет, – как же возможно погань такую меж деревьев ставить?»

Достает она из рундучка белую мохнатую простыню, край кумачовой лентой обшит, – подает солдату.

– Вот вам вместо крымской епанчи. Рубаху нательную прочь сымайте, мне она без надоб-ности.

Ошалел Бородулин, стоит столбом, рука к вороту не подымается.

Ан барыня упрямая, солдатского конфуза не принимает:

– Ну, что ж вы, солдатик? Мне ж только до пояса, – подумаешь, одуванчик какой мона-стырский... Простыньку на правое плечо накиньте, левое у Антигноя завсегда в натуральном виде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.